

УДК 37(091)

Владимир Борисович Помелов
г. Киров

**«Как хорошо, что мы сегодня юны!»
(Творчество вятских беспризорников)**

В статье анализируются причины появления в Советской России в 1920-е гг. такого явления, как беспризорные дети. Далее даются впечатляющие примеры поэтического творчества бывших беспризорников, ставших воспитанниками вятского «Трудового дома для перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей», открытого в 1927 г. Учителем русского языка и литературы в этом закрытом исправительном учебно-образовательном учреждении был замечательный учитель, впоследствии кандидат педагогических наук, доцент Кировского государственного педагогического института имени В.И. Ленина, участник Великой Отечественной войны Петр Петрович Распопов (1903-1967). П.П. Распопов поощрял детское поэтическое творчество, и собрал лучшие образцы стихов малолетних воспитанников «Трудома». Приводимые в статье стихи детей очень выразительны, отражают социальные и бытовые реалии времени, когда они были написаны, то есть 1920-х гг.

Ключевые слова: П.П. Распопов, г. Вятка, А.Я. Вышинский, «Трудовой дом для перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей», беспризорники, поэтическое творчество малолетних правонарушителей.

Vladimir Borisovich Pomelov
Kirov

**“It is so good, that we are young and healthy”
(The poetry of homeless Vyatka children)**

The reasons of such a phenomenon as homeless children in Soviet Russia in 1920 are given in the article. Then the article provides impressive examples of poetic creativity of pupils of Vyatka "Labour House for the re-education of juvenile delinquents" opened in 1927. Teacher of Russian language and literature at this private correctional training and educational institution was a wonderful teacher, later Ph.D. in pedagogic sciences, associated professor of Kirov State Pedagogical Institute named after V.I. Lenin, the participant of the Great Patriotic war, Pyotr Petrovich Raspopov (1903-1966). P. P. Raspopov encouraged children's poetry and collected the best samples of young inmates' poetry of "Labour House ". The given poems are very expressive, and reflect the social and every-day realities of the time, that is the 1920-ies.

Keywords: P.P. Raspopov, Vyatka, A.Y. Wyszynski, «Labour House for the re-education of juvenile delinquents», homeless children, poetic creativity of young offenders.

Простите, не поверю, – ответил Воланд, –
этого быть не может. Рукописи не горят.
М. А. Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Стремление к творчеству, в том числе к поэтическому творчеству, проявляется в человеке порой даже в самых непростых жизненных ситуациях. Не являются исключением в этом отношении и те, кто в силу разного рода неблагоприятных жизненных обстоятельств оказался лишенным нормальных условий жизни и развития своих талантов и способностей, был выкинут за пределы обычного гражданского общества и, в итоге, оказался в исправительно-трудовом учреждении. В предлагаемой статье нам хотелось бы познакомить читателя с творчеством воспитанников школы НКВД (народного комиссариата внутренних дел) СССР в первые десятилетия советской власти. У современного читателя, нередко плохо представляющего бытовые реалии советской действительности 1920-1930-х гг., может возникнуть вопрос, для чего предназначались эти школы. Поэтому считаем нужным кратко пояснить ситуацию.

В те годы в Советской России, а также в сопредельных республиках (Украина, Белоруссия и др.), появилось немыслимое количество беспризорных детей. Счет их шел на миллионы. Многие из них объединялись в банды, которые представляли собой серьезную опасность для общества. Никто из этих подростков не жил честным трудом; все беспризорники вели преступный образ жизни и занимались, в лучшем случае, воровством. Но это не была их вина, а беда. Преступные правители России сначала впутали свой народ в первую мировую войну; затем уже другие правители устроили

революцию и развязали братоубийственную гражданскую войну. Расплачиваться же за все эти несчастья вынуждены были, прежде всего, дети, оставшиеся без отцов и матерей. В городах процветала открытая уличная преступность. Жители день и ночь держали окна закрытыми на ставни, чтобы хоть как-то противостоять грабегам и разбоям. Не было населенного пункта, где бы нельзя было встретить неопрятные группы подростков, одетых в грязные телогрейки, – клифты, и видевших смысл своего существования в том, чтобы поесть. Но чтобы что-то поесть, надо было что-то украсть, кого-то убить...

Детская организованная преступность стала очень серьезной проблемой, которую надо было как-то решать. Для перевоспитания таких детей создавались колонии и коммуны (вспомним опыт работы А.С. Макаренко) [3], а также школы НКВД. Одна из таких школ была создана в 1927 г. в г. Вятка. Располагалась она в помещении бывшей тюрьмы, на берегу реки Вятка, и называлась «Трудовой дом для перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей». В 1930 г. «Труддом» был преобразован в школу фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) Наркомата юстиции СССР [4, с. 308]. «Фабзайцы», как их презрительно называли «маменькины сынки» (то есть городские ребята, имевшие отца-мать) носили специальную форму, в которой им по разрешению руководства школы можно было выходить в город. Ремень со специально заточенной медной бляхой использовался ими в качестве холодного оружия; это был своего рода нунчак. Другая металлическая часть обмундирования, – кокарда фуражки-картуза, обрабатывалась напильником таким образом, что фактически становилась кастетом. В случае опасности, то есть нападения со стороны местных хулиганов, «форменка» не раз спасала «фабзайцев».

Но бывшим беспризорным были свойственны не только стремление к проявлению драчливости и неподчинение казенным порядкам. Некоторые из них... писали стихи. По своему содержанию и форме эти стихи не слишком разнообразны. Их содержание позволяет проследить отношение подростка к своей прошлой преступной жизни, его отношение к перевоспитанию в школе и планы на будущее. Воспоминания о прошлой жизни нередко характеризуются критическим отношением к улице и ее порокам. Встречаются лирические мотивы, жалость к себе, сетование на свою горькую долю. Даже немногочисленные сохранившиеся и дошедшие до нас разрозненные стихотворения и их отрывки очень интересны. Разумеется, не следует искать в них каких-то «высот поэтического мастерства». По большей части стихи наивны; многие из авторов на момент написания своих стихотворений сделали первые шаги в школьном образовании. По всей видимости, мало кто из авторов знакомился с настоящей поэзией. Поэтому эти образцы поэтического творчества малолетних правонарушителей интересны нам, прежде всего, как документ эпохи, как выражение устремлений, чувств и надежд далеко немалочисленной группы советской молодежи, той ее части, о которой редко писали в прессе.

Впрочем, нет-нет, да и проникали в открытую печать снисходительные высказывания отдельных тогдашних «вождей» и «вождишек», дававших свою оценку творчеству, пробивавшемуся сквозь колючую проволоку. Так, небезызвестный «видный деятель Коммунистической партии и Советского государства», генеральный прокурор СССР и нарком иностранных дел СССР Андрей Януарьевич (за глаза его называли *Ягуаровичем*) Вышинский, писал: «Как бы ни относиться к художественной стороне тюремной поэзии в местах лишения свободы, нельзя отказать ей ни в глубине переживаний, ни в яркости социальных мотивов, являющихся отражением великой социалистической стройки, идущей по всей нашей стране, мотивов, глубоко волнующих чувство читателя. Разве можно найти в какой-либо капиталистической тюрьме что-нибудь подобное высокому пафосу этой поэзии, поднятой даже в условиях отъединения от «вольной жизни» на высоту подлинно гражданских переживаний, на высоту интересов социалистического строительства, осуществляющего свое мощное творческое влияние и в стенах советских исправительно-трудовых учреждений» [2, с. 13]. Разумеется, высказывания Вышинского, на тот момент сотрудника народного комиссариата просвещения РСФСР, имеют отношение к более широкой социальной группе, а не только к тем «стихотворцам», о которых идет речь в нашем материале.

Собраны эти стихи были учителем указанной школы, впоследствии преподавателем Кировского государственного педагогического института имени В.И. Ленина (далее – КГПИ) Петром Петровичем Распоповым (14.06.1903, г. Слободской, Вятская губерния – 12.01.1967, г. Киров).

Кратко расскажем об этом замечательном человеке. Он окончил физико-математическое отделение Вятского государственного педагогического института (1926), аспирантуру Академии педагогических наук РСФСР (1957). Кандидат педагогических наук (1957), доцент (1963). Участник Великой Отечественной войны, награжден боевыми орденами медалями. Работал учителем в школе (1921-1922), редактором армейской газеты (1942-1945). В КГПИ в 1926-1942 и 1945-1966 гг. он преподавал педологию, психологию. Как ученый П.П. Распопов занимался исследованием психологических проявлений фазовых состояний у школьников и обоснованием эффективных средств перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей. Много интересного о Петре Петровиче рассказывал его коллега по кафедре педагогики и психологии, кандидат педагогических наук, профессор Михаил Израилевич Смирнов. П.П. Распопов начинал работу на кафедре еще в то время, когда на ней работал легендарный Василий Алексеевич Трейтер, знаменитый вятский врач и педолог, человек, который в 1917 г. был руководителем Вятской губернии как представитель временного правительства. Кроме того, по некоторым данным Трейтер был внебрачным сыном Й.В. фон-Гёте [1].

В данной статье мы приводим наиболее характерные и совершенные по форме и содержанию образцы лирического творчества подростков. Некоторые стихи частично стилистически нами поправлены. В ряде случаев, вместо полного текста приводится лишь его часть; в этом случае поставлен соответствующий символ (<...>). Основная тема почти всех стихов – прошлая жизнь автора. Вот типичный пример, стихотворение Бориса К., 16 лет.

*...Тогда отец меня избил, а вечером мой след простыл.
Покинул я село родное, и долго шлялся я по селам безпризорным и бездомным.
Кой-как до города добрался, с карманниками повстречался,
И научился воровать, а про родных стал забывать.
Но теперь пора забыть мне жизнь блатную, кошмарные шалманы и пивную.
Собирайтесь в одну семью, шулера и воры, - от жизни отставшая рать.
Довольно рыть для себя мрачные норы, нужно новую жизнь нам ковать.*

В некоторых стихах звучит сожаление о тяжелом детстве, высказывается раскаяние в своей несознательности. Николай К., 16 лет, пишет:

*Зачем от матери ушел я? Зачем пошел я воровать?
Наверно, жить мне было плохо, пошел другую жизнь искать.*

В оценке личной жизни подавляющее большинство юных стихотворцев весьма категоричны. Они рисуют ее обычно в отталкивающем, мрачном виде. Поначалу уличная жизнь будит в сознании безпризорного подростка гамму различных, в том числе и кажущихся ему позитивных чувств. Улица «дарит» ощущение свободы и независимости, превосходства над другими людьми. Поэтому для начинающего безпризорника улица, с ее многообразием ярких эмоциональных раздражителей, может даже явиться известной притягательной силой. Именно в уличной жизни искали некоторые подростки то, чего они не находили в уродливо организованной семейной обстановке; в итоге, они порывали связь с домом и становились безпризорными. Но у подавляющего большинства безпризорников уже очень скоро наступало разочарование. Обилие различных травмирующих моментов у одних формировало злобно-агрессивную настроенность, которая реализовалась в ряде антиобщественных действий; у других – во вполне реальных попытках бросить поскорее уличную жизнь и встать на трудовую дорогу. Эти переживания нашли отражение в стихах. Алексей П., 17 лет, выразил свои чувства следующим образом:

*Улица была мне домом, улица – мне мать – отец.
Улица назвала меня вором, улица сказала мне: «Подлец» <...>.*

Какими тяжелыми могут быть переживания беспризорного подростка, и как глубоко может изуродовать детскую личность преступная среда, показывает стихотворение «Мысли улицы» Аркадия К., 1928 г.

*Стыну, стыну... Чувствую, что скоро перестанет сердце kloкотать.
Похоронят где-нибудь, как вора. Никому стихов моих не услышать.
Я – бродяга. Да к тому ж – убийца. Каждый стих мой приторный, как кровь.
Может быть, помчится слух, как небылица, что убийца чувствует любовь.
Но любовь не честную, а злую; где-нибудь из-за угла ножом
Я тебя, стервец, располокую. Для того мы на земле живем,
Чтобы резать, кровью захлебнуться, чтоб в крови не видеть белый свет.
Все равно бродягам не вернуться на тропу, на человеческий след.
Мы по-волчьему отыскиваем стежки; там – капкан, там – изверг с топором.
И в глазах моих одни дорожки. Для чего мы на земле живем?
Чтобы видеть разные страданья? Смех людей, не чувствующих боль?
На земле сейчас есть оправданье, что бродягам в жизнь поставлен «ноль»...
Наша жизнь не стоит единицы, наша жизнь расценена нулем.
Исказились, почернели лица. О, друзья! Мы на земле гнием...*

Аналогичным образом оценивает свое будущее Петр К., 16 лет. В 1929 г. он писал:

*Я знаю, что для жизни я не годен. Не могу я за вами идти.
Вспоминайте меня, как хотите. Мне дороги иной не найти <...>.*

Ему «вторит» Николай А., 17 лет. (1929 г.), для которого, видимо, улица еще не утратила своей «прелести».

*Нам было жаль расстаться с волей, покинуть старые пути.
Ведь там, на воле ждуют базары, вокзал, пивные, кабаки.
Там ждуют друзья, кино, шалманы, ночлежный дом и чердаки... <...>*

После реорганизации труддома в школу ФЗУ значительно изменилась постановка воспитательной работы; стали чаще появляться диаметрально противоположные мотивы. В стихотворении Михаила С., 18 лет, наряду с оценкой прошлой, «блатной» жизни, чувствуется радость в связи с тем, что старая жизнь ушла в прошлое, а будущее представляется прекрасным, хотя пока что очень неопределенным.

*Выпить хочется, а денег-то и нету. И опять начинаешь шмонать,
Ширмовать, - и к знакомой девчонке по дороге на бан, - забегать.
С нею хряешь в театры и кина, по буфетам таскаешься с ней.
Вновь дурманят сознание вина; и ширмуешь, и грабишь людей... <...>
Смыто прошлое. Радостно бьется молодая и буйная кровь.
Я забуду, что пьянкой зовется, позабуду блатную любовь.*

Николай П. находился на воспитании в школе в 1932-1935 гг. Впоследствии он получил профессию электромонтера, вступил в ВЛКСМ. Стихотворение написано в 1934 г., когда у юноши (18 лет) уже вполне оформилось стремление порвать с прошлой жизнью.

*Я вырос под чужим забором в промозглой сырости ночей.
И побеждал в азартном споре братву заядлых ширмачей.
Вино, ножи, тоска и злоба дробили нашу жизнь сплеча.
Мы в наших дружеских речах клялись быть верными до гроба.
А где ж друзья? Со мной их нет, - они еще, быть может, воры.
Глядят по-прежнему на свет угрюмым и голодным взором.
Но бьюсь я, чтобы каждый шел, покинув кражи и попойки,
Чтоб всем нам было веселей гореть в труде великой стройки.*

Михаил Ц., 18 лет написал стихотворение «Проклятое прошлое» в 1933 г, когда уже встал на путь исправления.

*Вспомнишь прошлое, омуты жизни. Вспомнишь рынки, кафе, ресторан.
На базаре, на площади шумной залезаешь кому-то в карман.
Выпьешь кружку, другую и третью, – забродило вино в голове.
Вновь потянет к базару, к вокзалу. Жег я жизнь свою в шумной Москве.
Жизнь моя не цвела, не сияла; юность гасла в болоте, на дне.
Раз в угаре хмельном у вокзала я засыпался... Тошно как мне!
А теперь я на свет из болота вышел твердой дорогой к труду.
И на сердце одна мне забота, как я знаний побольше найду.
Вы, подруги стабильные, книжки! Ты, станок мой, заветный пахан!
Я отдам своих знаний излишки государству рабочих – крестьян.
И в семнадцатый год октябrevый красной радостью сердце горит.
Мне Ильич добродушно-суровый о труде и добре говорит.*

Михаил М., 16 лет, 1934 г. и вовсе не чувствует себя лишенным «свободы»; прежняя «свобода» ему уже не нужна:

*Я забываю, что лишен свободы законом
За то, что был в жизни маленьким вором.
Я чувствую себя всегда свободным,
Жизнерадостным, бодрым и гордым.*

Целый ряд авторов пишет стихи в «нужном» русле. Григорий С., 19 лет, 1932 г. Окончил школу в 1933 г.

*Вот уже четыре года, как существует наш Труддом.
ФЗУ уже с полгода именоваться начал он.
Здесь все преступники молодые приучаются к труду.
Отсюда выйдут уж другие, – с квалификацией уйдут.
Итак, товарищи, смелей, живей возьмемся за учебу,
Позорить будем лодырей и пробивать себе дорогу!*

Стихотворение Михаила К., 1934 г. «Привет школе» свидетельствует о том, что процесс перевоспитания в отношении этого юноши принес позитивный результат. Впоследствии Михаил стал студентом исторического факультета КГПИ.

*Школа, школа, знакомое слово! Всем нужна для успеха в делах.
Лето – всё... Снова школа. «Здорово!» Закались в твоих лагерях.
Начинаем работать, учиться. Вот учебник. А вот и станок.
Нужно крепче за труд ухватиться, Труд нам в радость, хотя нелегко.
Будем же дисциплиной железной, юной силой ряды укреплять.
Бросим мысли о воле базарной, станем встречный свой план выполнять.
Жить нам весело с волей единой. Все спаялись мы, в школе подъем.
Кончим смену и в праздник Октябрьский песню дружную грянем, споем:
«Цех ожил, шумят станки, работа закипела.
В цехе все ударники берутся враз за дело.
Класс работою горит, шелестят страницы.
Знания новые усвоим, знаний вереницы.
Навык знания и труда – коммунизма свет
Нас на новый путь ведет. Октябрю – привет!»*

Еще одно стихотворение Михаила, по существу, призыв к другим ребятам работать хорошо. Это означает, что сам юноша не только преодолел свое прежнее отношение к работе и жизни в целом, но и стремится оказать положительное воздействие на остальных.

*Летом наши мастерские были темны и грязны,
Там стоят станки пустые, а ребята спать ушли.
Симуляция, прогулы у нас летом расцвели.
Ликвидировать их надо, чтоб не шли мы позади.
Во второй мы пятилетке перестроиться должны,
Ликвидировать побеги, встать на новые пути.
Летом мы кирпич грузили для надстройки мастерской.
А сейчас в том помещенье мы работать принялись.
Вот работаем ударно, здесь уютно и светло.
Паровое отопленье в цех тепло нам принесло.
Симулировать мы кончим, работать будем хорошо,
Чтоб соцдоговор не портить, а приняться за одно.*

В еще большей степени это «педагогическое начало» ощущается в стихотворении «Ты отстаешь» Алексея О., 17 лет, выпущенного из школы в 1934 г. В дальнейшем он работал на производстве. С 1936 г. он воспитатель в детприемнике. Член ВЛКСМ. Стихотворение написано в 1933 г.

*Ты отстаешь, и темп снижаешь, ты вместе с нами не хочешь шагать.
Смотри же, когда ты совсем отстанешь, как будешь тогда догонять?
Ты видишь – дремлют пустые тисы, и ты «разбудить» их не хочешь.
Не маленький ты: уж пробились усы, а глупо и дико хохочешь.
Смотри, твой сосед перегнал на две пары, и третью пару зажал он в тисы.
А ты стоишь, как «кот» на бульваре, ежеминутно глядя на часы,
Ты отстаешь, и шаг замедляешь, ты в спину вонзаешь рабочему нож.
И лень твоя для рабочего класса не что иное как измена и ложь...
Подходит Октябрь шестнадцатый скоро, и что же ты скажешь тогда,
Когда на сцену ударники выйдут, расскажут про мощь труда?!
Расскажут, что школа к победе над прошлым преступным идет напролом.
А ты в своей дури, упрямстве и лени отстал уж на целый год.
Ты, видно, сегодня союзник фашистам, что душат везде коммунизм.
Опомнись, и знай, что твоя измена задерживает социализм!
Но знай, что ни лень, ни фашисты не смогут флаг красный советский сорвать!
К победе всемирной придут коммунисты. С кем будешь тогда ты стоять?!*

В стихотворении-«лесенке» Григория С., 1931 г., «Бей тревогу!» явственно чувствуется подражание В.В. Маяковскому.

*Ученики!
Тревогу бей!
Ведь производство наше страдает
От прогульщиков,
Рвачей,
Лентяев,
Лодырей!*

*Сегодня –
Четырнадцатилетие Октября!
Ученики!
Дадим слово за себя бороться против:
Пьянства,
Прогулов!
Хулиганства и
Рвачей!*

*Ура!
За Четырнадцать Октябрей!*

Тема «Великого Октября» проходит через многие стихотворения. В те годы это был самый главный праздник. Василий М., 17 лет. Впоследствии он стал студентом исторического факультета КГПИ. Стихотворение «Песнь стремления» написано им в 1934 г.

*Забыл пустое развлечение, живя учебой и трудом.
Мое упорное стремленье, – шагать за Красным Октябрем.
Забыл, что я живу в неволе, вот в этих каменных стенах.
Но я стремлюсь, как на просторе, по пролетарски дать размах!
Ведь я советский пролетарий, и кровь рабочая во мне.
Как большевик, хочу всегда я петь о советской стороне.
И будет песнь моя рождаться от песен молота, станков;
Стучать, звенеть в ней будет радость, гудки авто и тракторов.*

В стихотворении «К новой жизни» Ивана К., 18 лет, проявляется, можно сказать, стремление к лирической оценке всего того нового и хорошего, что усвоил юноша в школе НКВД.

*Вот уже осень за окнами ходит, солнышко село вдали за рекой.
Всю-то я жизнь свою прожил в неволе за проклятой решеткой стальной.
А вот теперь нахожуся я в школе, и по-советски нас учат здесь жить.
Учат и грамоте, учат работать, чтобы все прошлое позабыть.
Прожил хоть здесь я недолгое время, но уж дошел я до думы такой:
Нам уходить уж пора от блатного, мир весь преступный забросить. Долой!
Я ведь сильнее взялся за учебу, стремлюсь я до знаний дойти,
Чтобы и школу окончить успешно, и Ленинский путь найти.
Вам я кричу – ребята-фабзайцы: «Налегай на учебу, на труд!»
Чтобы рабочие – братья узнали, что улицы дети идут.
Чтобы по-новому радостно встретить знаний родную зарю.
С каждым мы выпуском ближе подходим все к мировому Октябрю.*

В начале 1930-х гг. в СССР стали насаждаться колхозы. Естественно, «музы не молчали» (А.Т. Твардовский «Страна Муравия» и пр.). Свою скромную лепту вносит в воспевание «счастливой колхозной жизни» Василий М., 1933 г. Находясь на обучении и перевоспитании в школе ФЗУ, он вряд ли мог непосредственно наблюдать процесс коллективизации. Тем удивительнее то, что его стихотворение очень интересно, прежде всего, с точки зрения «обрисовки» деталей колхозного быта и деревенских реалий того времени.

*Слышны песни с поля, – то жнецы идут.
Как легко на сердце, когда жнейки жнут.
А не то, что раньше, – спинушку согнешь,
Над чужой полоской слезы свои льешь.
Расцвела деревня, облегчился труд,
Радостные песни бедняки поют.
Не стоит смотритель над моей душой.
Есть руководитель, – кто в труде герой.
Отошло то время, бедняку почет.
Председатель Федин делает отчет.
Федин сам крестьянин, отроду бедняк.
Он по-большевистски дело ставит так:
Сбор с полей начался, – вовремя убрать.
Кулакам покажем, как колхоз ругать.
А потом и чистку проведем на –ять.
Кто в колхозе чуждый, – в шею будем гнать.
Все кричали: «Браво!». Но один, Лавров
Все смотрел сподобья и краснел как кровь.
Видно, чуял слабость, что бедняк «не тот».*

*Что бедняк сегодня сам в колхоз идет.
Подпевалам крышка, кулакам – конец.
Председатель Федин – бравый молодец!
Он на поле с нами и в избе родной,
На учебе с книгой... Он везде Герой!!!*

Аркадий К. видит в комсомоле свой идеал, связывает с ним свое будущее.

*Как хорошо, что мы сегодня юны.
Страна растет. А вместе с нею мы.
Стучи же громче в наковальню, молот!
Мы – пролетарии, мы – Октября сыны!
Кто у станка, во втузах, кто на поле,
В одну ударную сольемся в эти дни.
На штурм идем сквозь тьму и буреломы.
Мы – пролетарии, мы в бурях рождены!
И ослабевших всех в борьбе упорной
Мы в бой с собой сегодня не возьмем.
Пусть громче прозвучит наш гимн задорный.
В боях и песнях молодость встряхнем.
Но кто не с нами, - прочь давай с дороги,
Страна растет, по-новому цветет.
Заводы, громче пойте песнь победы,
Все юное на зов, – иди вперед!
Как хорошо, что мы сегодня юны,
Страна растет, а вместе с нею мы.
Стучи же громче в наковальню молот,
Мы пролетарии, мы Октября сыны!*

В некоторых стихах нет «политических установок», «краснооктябрьской трескотни». Наверно, стихи, подобные нижеприводимым, не очень поощрялись. Но они тоже – были! Вот, например, стихотворение «Детские мечты» Максима П., 20 лет, 1934 г.

*На кустах рябины капельки росы.
Вспомнил, – пролетели золотые дни.
Отцвели цветочки, оголился сад.
Скучные денечки потянулись в ряд.
Солнце перестало землю согревать,
Вечером не выйдешь на село гулять.
А сидишь на печке, слушаешь метель,
Скоро ли то время, скоро ли тот день,
Когда снова в поле зацветут цветы...
Далеко умчались детские мечты.
Не бывает, что думал, надо ждать зимы.
Скоро на салазках полетим с горы.*

Михаил Ц. пишет хотя и о любимой девушке, но из скромности называет ее «товариш».

*Молодая, с черными глазами, и фигурой статна, и стройна.
Я не знал тебя, но кто-то познакомил. С той поры на сердце ты одна.
Для меня ты – ласковый товарищ. На лицо твое я радостно гляжу.
Ты веселая, шутливая порою. Я с тобою счастье нахожу.
Я хвалю тебя за красоту и гордость. У меня с тобою все мечты.
Может быть, когда-нибудь и вспомнишь ты о встречах и стихах моих.*

В стихотворениях некоторых детей прослеживается даже некоторая тенденция в развитии их творчества. В качестве примера приводим три стихотворения Михаила Л. Первые два стихотворения написаны, когда автору было 15 лет.

*Был он недавно бродягой и вором, голодный куски собирал.
А иногда на базаре в толкучке к прохожим в карман залезал.
Вытащит кожу, возьмет все деньжонки, а документы - порвет.
Бросит он кожу пустую на крышу, а сам гужеваться пойдет.
Пойдет в магазуху; купит, что нужно. Потом в «Центроспирт» забредет.
Возьмет поллитровку, напьется, как стелька, и пьяный в ночлежку пойдет.
Но не дошел до ночлежки немного, вновь в магазуху зашел.
Сунулся, было, опять до кармана, да пьяный бедняк подзашел...<...>.
Вот привели тут его в уголовку, ночь в одиночке проспал.
Утром с этапом отправили в Вятку, и так в «Вяттруддом» он попал.*

Этот же автор буквально через две недели написал стихотворение «Завещание». Это стихотворение примечательно тем, что автором используется прием постоянного использования слова «да», которое имеет двойное назначение: «выравнивает» рифму и создает особый интонационный настрой.

*Я умру, – так вы меня да схороните
Под зеленым да ракитовым кустом.
Над моею да могилою поставьте
Размалеванный да памятник с крестом.
А на памятнике том да напишите
Самый лучший сочиненный мною стих.
Как я жил и как потом да я скончался
Беспробудно да навеки да затих.
Вы не плачьте, да, друзья, да не рыдайте.
Я спокойно лежать буду да в земле,
На беседах вы меня да вспоминайте,
Что когда-то жил я будто на земле.*

Спустя три года поэтическое настроение Михаила было окрашено совсем другими мотивами.

*Вот теперь стою я гордо у станка.
И кончать работу не дрожит рука.
Не дрожит, как раньше, весь мир презирая,
Лез в карман прохожим, деньги добывая.
Воровать я кончил, взялся за ум сам.
И теперь иду я по другим путям.
Я учусь в школе и на производстве,
Скоро выйду в люди грамотным рабочим.
Выйду на завод я, буду работать,
За свою работу деньги получать.
И из этих денег часть буду вносить
В пользу беспризорных, чтобы их учить.
Выведем их в люди, и пускай растут.
Нам же на заводах пользу принесут.
Много им пришлось горя испытать.
Все они нам будут честно работать.
Так, давай, рабочий! Это наше дело.
Будем помогать им честно и умело!*

Очень интересные стихи писал Аркадий К. Сначала в них было больше, как тогда выражались, «есенинского нытья». Но в дальнейшем он, по всей вероятности, «вышел на верную дорогу», и в стихах властвуют оптимистические мотивы.

Вчера.

*Отцвели мои русые кудри. Глаза серые стали, как муть...
Тяжело нам, бездомным бродягам отыскать в жизни правильный путь.*

Сегодня.

*Улеглася прежняя тревога, Пережитки прошлого не нужно вспоминать.
Для меня теперь одна дорога. Партия – моя вторая мать.*

Прощание с друзьями.

*Завтра рано прощусь я с вами,
Друг мой, Вася! Ты прощай – прости.
Я пойду по выбитой дороге,
Нам, отжившим, нечего расти.
Наше детство отцвело в неволе,
К новой жизни нет у нас путей.
Отцветают васильки на поле,
Сердцу стало что-то холодней.
Завтра рано в пламени рассвета,
Край цветущий, я с тобой прощусь.
Отцветает молодость, как лето.
Отцветай, – я больше не вернусь.
Так к чему теперь пустые речи...
Я ушел, унес с собой печаль.
Тюрьмы мне уже согнули плечи.
Тюрьмы очернили даже даль.*

Ответ Н. Королевой.

*Не тревожь мое сердце больное,
Не показывай синь своих глаз...
Разве есть что-нибудь дорогое
Для отживших людей и для нас.
Я ушел, ты сгораешь в тревоге,
Может быть, я вернусь в отчий дом.
Но прости, я не знаю дороги,
Все теперь изменилось кругом.
Для меня ты теперь не отрада,
И село для меня – не приют.
Вы простите меня, – что вам надо?
Так забудьте меня, как зовут!
Не тревожь мое сердце больное,
Не показывай синь своих глаз,
Разве есть что-нибудь дорогое
Для отживших людей, вроде нас!?*

К прошлому дороги нет.

*Завтра рано распрощаюсь с прошлым,
К грязной жизни нет иных путей.
Расцветают васильки на поле,
У станка гораздо веселей.
Завтра рано в пламени рассвета,
Мир преступный, я с тобой прощусь.*

*Расцветай же, молодость, как лето, –
Я теперь ударником зовусь!*

Ответ другу.

*Сам не знаю, что со мной случилось.
Только чувствую, что я уже не тот.
По-иному расцветает юность,
В жизни сделан резкий поворот.*

Второе рождение.

*Забыто прошлое, друзья. Какая радость!
Слова немые сделались, как звон.
Забыто прошлое, забыта гадость, водка,
Мне нынче кажется, я будто вновь рожден.
На сердце май, весна в разливе.
И сердце радостно бурлит, как водопад.
Я на земле сегодня всех счастливей,
И не вернусь к преступности назад.*

Весна на сердце.

*Кипеньем жизненным я ныне опьянен. Эй, комсомол, я с вами в ногу!
Я понял ныне ваш закон, друзья. Я понял вашу радость и тревогу.
Я сердцем рад; в твои ряды, чье имя – гордость – комсомолец,
Сегодня новым изо тьмы, иду я к вам, как доброволец.
Как доброволец новый от станка. Как человек, исправленный в починке,
Стою сегодня гордо у станка. В руках не чувствую заминки.
Рука не дрогнет, чувствую, что – нет. Эй, комсомол, я с вами в ногу!
Я долго, правда, путался в путях. Но ныне – всё, я вышел на дорогу.
Коль «завязать», так «завязать», конец! От жизни бурного потока
Сегодня все должны мы взять, что солнце нам несет с востока.
Кипеньем жизненным я ныне опьянен. Эй, комсомол, я с вами в ногу.
Я понял ныне ваш закон, друзья. Я понял вашу радость и тревогу.*

Здесь нам хотелось бы отметить тот интересный факт, что увлечение поэзией в среде вятской молодежи 1920-1930-х гг. было очень заметным. В своей монографии «Педагоги и психологи Вятского края» (Киров. 1993) автором данной статьи дана подробная характеристика этого явления, главным образом применительно к тогдашним студентам Вятского (Кировского) государственного педагогического института имени В.И. Ленина [4, с. 33-34].

И, конечно, студенты не только читали стихи и слушали приезжавших поэтов, таких как В.В. Маяковский, А.И. Жаров и Демьян Бедный (Ефим Придворов), но и сами их писали. Так, один из героев указанной книги, тогдашний студент Вятского пединститута Иван Васильевич Царегородцев (1902-1993) отразил в своем стихотворении один из моментов караульной службы студентов в войсках ЧОН (части особого назначения).

*Полная луна, а перед ней береза оставшимся покровом шелестит.
И песня свежая несется с перевоза, и дремлющие чувства шевелит.
И мысль баюкает ночная обстановка, и клонит в сон... Так хочется вздремнуть!
Но крепче сжав холодную винтовку, я стал ходить, стараясь не уснуть.
Ведь разве можно спать студенту-коммунару, когда другие безмятежно спят?!
На этот пост среди дыма и пожара я призван наше счастье охранять.*
[3, с. 26].

Стихи эти, как и приведенные выше, конечно, далеки от совершенства в смысле формы, но все они, очень искренни, и точно передают тревожную, беспокойную обстановку того далекого времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. В.А. Трейтер – врач, педагог, педолог, общественный деятель Вятки [Текст] // Памятная книжка Кировской области и Календарь на 2015 год : информ.-статист. сб. / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по Киров. обл. ; предисл. Н.И. Зорина. – Киров, 2014. – С. 292-297.
2. Вышинский, А.Я. От тюрем к воспитательным учреждениям [Текст] : сборник / А.Я. Вышинский. – М. : Предисловие, 1934.
3. Помелов, В.Б. А.С. Макаренко – современник всех поколений (к 125-летию со дня рождения великого педагога) [Текст] / В.Б. Помелов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2013. – № 1 (1). – С. 157-166.
4. Помелов, В.Б. Педагоги и психологи Вятского края [Текст] / В.Б. Помелов. – Киров : Изд-во Информцентр, 1993.

REFERENCES

1. V.A. Trejter – vrach, pedagog, pedolog, obshhestvennyj dejatel' Vjatki [V.A. Traiter - doctor, teacher, pedologist, public figure of Vyatka]. *Pamjatnaja knizhka Kirovskoj oblasti i Kalendar' na 2015 god: inform.-stat. sb. [Commemorative book of Kirov region and the Calendar for 2015]*. Kirov, 2014, pp. 292-297.
2. Vyshinskij A.Ja. Ot tjurem k vospitatel'nyh uchrezhdenijam: sbornik [From prisons to educational institutions]. Moscow: Predislovie, 1934.
3. Pomelov V.B. A.S. Makarenko – sovremennik vseh pokolenij (k 125-letiju so dnja rozhdenija velikogo pedagoga) [A.S. Makarenko - a contemporary of all generations (on the 125th anniversary of the birth of a great teacher)]. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta [Herald of Vyatka state university]*, 2013, no. 1 (1), pp. 157-166.
4. Pomelov V.B. Pedagogi i psihologi Vjatskogo kraja [Teachers and psychologists of Vyatka region]. Kirov: Izd-vo Informcentr, 1993.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

В.Б. Помелов, доктор педагогических наук, профессор, Член-корреспондент РАЕН, действительный член Международной академии наук педагогического образования, отличник народного просвещения РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, кавалер медали К.Д. Ушинского, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет», г. Киров, Россия, e-mail: vladimirpomelov@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3813-7745.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

V.B. Pomelov, Doctor of Pedagogy, Professor, Associate Member of the Academy of Natural Sciences of Russia, Member of International Academy of Pedagogical Sciences, the Outstanding Educator Award of Russia, Honorary Educator of Higher Education of Russia, Medal of K.D. Ushinsky, Vyatka State University, Kirov, Russia, e-mail: vladimirpomelov@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3813-7745.